

П. А. Шапчиц

Очерк истории логики и логической терминологии Древней Руси

Одна из характерных особенностей философии заключается в том, что ее освоение требует погружения в язык философии, вслушивания в слова. Зачастую при реконструкции философского учения достаточно проанализировать терминологию, выявить сходства и отличия новых понятий от аналогичных понятий у предшественников, чтобы получить исчерпывающую картину всей системы. Сама природа понятий, порой не допускающих иных определений, кроме генетических, заставляет нас определять философские понятия в первую очередь в связи друг с другом, демонстрировать их происхождение и возможность вывода друг из друга. И если удастся выявить изоморфизм подобных понятийных схем, философской системы и некоторой реальности, моделируемой последней, то для анализа системы достаточно анализа понятийных схем.

К этим счастливым случаям относятся, на наш взгляд, учения о понятии и дедуктивно-логическом выводе. Отметим, что к подобному анализу приходится прибегать и в тех случаях, когда исследуемые тексты неоднозначны, недостаточны или вообще утрачены, но имеется набор понятий, укорененных в контексте. Наконец, логические учения античности или средневековья, случается, ограничиваются лишь классификационными схемами, которые оставляют возможность многих альтернативных реконструкций, тем самым вынуждая исследователя концентрировать усилия на анализе терминологии.

В данном историко-логическом изложении нам не удастся избежать этого ограничения.

Первым логико-философским трактатом в древнерусской литературе считается «Изборник Святослава»¹. Логическая часть этого компилятивного труда содержит интерпретацию учения Аристотеля о категориях и комментария Порфирия к «Категориям». Предметом историко-логических исследований

¹ Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X-XVII веков. М., 1990, с.63.

является вопрос о том, из каких источников составлялась логическая часть «Изборника».

В «Изборнике» присутствует логический материал, сходный с тем, который можно обнаружить в «Диалектике» Иоанна Дамаскина. «Диалектика» («Философские Главы»), которая тоже является комментарием к Порфирию, – это первая часть трактата «Источник знаний» Иоанна Дамаскина, в котором излагается христианская догматика после семи соборов (Дамаскин является пионером в том смысле, что логика у него инструментальна: это органон для богословия).

До сих пор не найден текст древнего перевода «Диалектики» Дамаскина, якобы существовавший на Руси в XI в. или даже ранее. (Г. Г. Шпет указывает, что уже в домонгольский период существовал такой перевод под именем «Любомудрия»¹). На сегодня выявлено около 150 списков XIV–XVIII вв., а также цитированные фрагменты в «Азбуковниках». «Диалектику» переводил также и Андрей Курбский. Он писал, что главной задачей логики как науки является отделение истины от лжи («Все потреба ведати, да не всему верити, но точию правде и истине»²). Решение же этой задачи невысказано без знания силлогистики, логического вывода и анализа логических ошибок. Как видим, не все переводчики лишь пассивно воспроизводили текст: Курбский добавлял «сказы» (т.е. комментарий, схолии), например, «сказ» о логике.

«Диалектика» имела первостепенное значение для формирования национального научного языка: в славянском тексте почти нет иноязычных заимствований, переводчикам удалось самостоятельно создать философскую терминологию³.

Однако каковы причины того, что неизвестные переводчики отказались от, казалось бы, более простого пути – заимствовать слово, сохранив его греческое звучание? Иностранные слова сегодня уместны и даже необходимы в научной литературе уже потому, что само их звучание уже порождает у читателя определенные коннотации; тогда же иностранными языками владели разве что переводчики. По этой же причине, а также по причине недостаточного количества переведенных

¹ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991, с. 263.

² Цит. по: Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии XI–XX вв., СПб., 2001, с. 90.

³ Гаверюшин Н.К. «Изборник Святослава» 1073 и «Диалектика» Иоанна Дамаскина // Советское славяноведение. М., 1983, № 4, с. 94.

книг, значение иностранного слова не могло быть угадано из контекста, тем более – логико-философского.

Остановимся на логико-философских категориях «Изборника».

Термин «сущее» выражал как совокупность всего, что существует в природе, так и отдельно существующие вещи. «Естество» же выражало понятие всего существующего в движении (естество конкретно: сущее претерпевает те или иные изменения и тем самым проявляет «естество»). Термин «естество» было бы удобнее всего передавать словом «природа», но переводчик включал в «термин «естество» как внутреннюю природу вещи, так и ее внешнее выражение¹. Действительно, именно по внешнему выражению изменений, например, стадий «курица – яйцо», мы можем познать внутреннюю природу того и другого. Термин «естество» имплицитно включает в себя понятия и сущности, и явления; они находятся в нерасторжимом единстве.

В средневековом употреблении термин «сущее» распался на «собственно сущее» и «случайно сущее». «Случайно сущее» древнерусские переводчики передавали словом «приключение», а переводчик «Изборника» заменил его словом «случай» (это то, что случилось, а могло и не случиться). «Случай» – это, в терминологии Порфирия, привходящий признак (он появляется и пропадает без уничтожения своего субстрата).

Совокупность случайных (привходящих) признаков образует понятие отдельной вещи, которое обозначается термином «собство». Действительно, только указав на некоторые из этих признаков, мы можем как-то выделить единичную вещь из целого вида, специфицировать «лице», т. е. такую вещь, которая обладает только родовидовыми характеристиками и лишена всякой индивидуальности. Характеристика всех вещей одного вида задается «своитьными» признаками.

А. М. Камчатнов указывает: «Термин “своитьное” образован от корня *свој-* и означает не всякое свойство предмета, а только такое, которое не относится к видовой природе вещи: “Своитьно же человеку ходить или смеяться”². То есть не всякий человек на самом деле смеется, но всякий человек способен смеяться в силу своей природы. Это собственный признак

¹ Камчатнов А.М. Философская терминология в Изборнике Святослава 1073 г. // Русская речь. М., 1982, № 4, с. 109.

² Там же, с. 110. Наверное, точнее было бы сказать: «к родовой природе вещи», так как именно совокупность собственных признаков и определяет видовую характеристику.

по Порфирию, который он определяет как такой, «в котором соединились наличие в одном только виде, наличие во всем объеме этого вида и всегда, какова у человека – наделенность смехом»¹. Отметим, что собственный признак обратим, так как он является существенным признаком (например: только человек способен смеяться; следовательно, если некто смеется, то он именно человек).

В «Изборнике» присутствуют и иные философские термины, имеющие отношение к логике (утверждение и отрицание переведены словами «повещание» (синоним – «обличение») и «отъвещание»), часто к аристотелевским категориям (например, «к кому» может обозначать соотношенное).

Развитие логики на Руси в XI–XIV вв. можно связывать также с трактатом Феодора Раифского «О природе и сущности», который частично содержится в «Изборнике» и появляется отдельно в списках XV в., тогда же, когда и «Диалектика» Дамаскина². (Именно через трактат «О природе и сущности» упомянутые выше философские термины проникают в славянский язык в X в.). Высказываются предположения, что сама «Диалектика», представляющая собой оригинальную компиляцию, включает и отдельные переработанные главы из сочинений Феодора Раифского³.

Только в XV в. на Руси появляются переводы более содержательных произведений, чем упомянутые. Известно, что у новгородских «жидовствующих» была некая книга «Логика», которая представляла собой нечто иное по сравнению с христианскими трактовками произведений Аристотеля, принадлежащими перу Феодора Раифского и Дамаскина. (При этом нужно иметь в виду, что Дамаскин анализировал далеко не все произведения «Органона», а лишь доступные ему «Об истолковании» и «Категории»). Возможно, что книгой по логике, имевшейся у «жидовствующих», была «Книга, глаголемая логика» («Логика Маймонида») или «Логика Авиасафа», известные рукописи которых относятся соответственно к XVII в. и ко второй половине XV в.

В литературе указывалось на значительные затруднения в понимании текста, особенно на слова или сочиненные, или

¹ Порфирий. Введение к Категориям... // Аристотель. Категории. М., 1939, с. 64.

² Симонов Р.А., Стяжкин Н.И. Логика в средневековой Руси. // Исторические традиции философской культуры народов СССР и современность. Киев, 1984, с. 162.

³ Гаверюшин Н.К. «Изборник Святослава» 1073 и «Диалектика» Иоанна Дамаскина // Советское славяноведение. М., 1983, № 4, с. 96.

употребленные в неизвестном контексте: самость, пролякство, душевенство, мушенство, воденство, привод телественный, всячество, гдечество, егдачество, чтовство и т.п.¹. Как увидим, логический анализ текста поможет объяснить значения некоторых неясных слов. Известна и вовсе негативная оценка этих логических трактатов, данная Шпетом: «Если бы даже не было других оснований, то достаточно было бы взглянуть на тарбарский язык рукописи [«Логика Авиасафа». – *II. III.*], чтобы убедиться, что ни к разумному усвоению, ни к воспитательному воздействию она не была пригодна – она могла внушить разве что теософическое благоговение»². Однако сегодня, ввиду проделанной исследовательской работы по логической интерпретации «логики жидовствующих», такая оценка считается рискованной.

«Книга, глаголемая логика» состоит из предисловия, четырнадцати глав и заключения³. В тексте главы названы «вратами», что представляет собой кальку из еврейского языка; этот факт лишний раз доказывает, что источником «Логики» был трактат Маймонида⁴.

В первой главе определяются суждение и его составные части; вводятся следующие термины: «держатель» (субъект), «одержанный» (предикат), «осуд» (суждение) и «слово замесное» (составной термин). А.И. Соболевский еще в 1903 г. высказал предположение, что «осуд» – это суждение, «(о)держатель» – это субъект, а «одержанный» – это предикат. Последнее несоответствие, возможно, можно объяснить тем, что предикат в логике предикатов означает не некий объект, а свойство или отношение (т.е. имплицитно включает в себя связку «есть» или «должен»; предикат – это, например, «быть здоровым», а не «здоровье»); и в этом смысле трактовка Соболевского тоже точна, поскольку «одержанный» выражается существительным.

Во второй главе перечисляются виды суждений по количеству и качеству; различаются «прилог» (утвердительное суж-

¹ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903, с. 401.

² Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991, с. 264, 267.

³ Фактический материал этой книги сокращенно изложен по статье: Р.А. Симонов, Н.И. Стяжкин. Историко-логический обзор древнерусских текстов «Книга, глаголемая логика» и «Логика Авиасафа». НДВШ ФН, 1977, № 5, сс. 132-143.

⁴ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903, с. 404-405.

дение) и «уем» (отрицательное суждение). Отметим, что «осуд», чистое содержание, становится «прилогом» или «уемом» только тогда, когда он соответственно утверждается или отрицается в конкретной ситуации. Здесь можно говорить о предвосхищении семантической идеи Фреге, выразившейся в различении штриха суждения и штриха содержания в его логической нотации¹. И в этом смысле логическая терминология XV–XVI вв. богаче современной. Затем автор выделяет основы «логического квадрата»: «прилог всячный» (общеутвердительное, А), «уем всячный» (общеотрицательное, Е), «прилог раздробный» (частноутвердительное, I) и «уем раздробный» (частноотрицательное суждение, O); причем обращается особое внимание на кванторы и их словесную форму (т.е. затрагиваются проблемы формализации предложений естественного языка).

В третьей главе отражаются два возможных понимания предикации. Если мы понимаем предикат как глагол (в смысле логики предикатов), то суждение будет «двойчатым» (двучастным). Если же понимать предикат как имя (в традиционном, аристотелевском смысле), то суждение будет трехчленным, так как потребуются связка, выражаемая обстоятельством времени (она выражена термином «обретение», т.е. указанием на наличное бытие). В «Логике Авиасафа» вводится различие между «одержанным» (категорическим), «прилепным» (условным) и «урезным» (разделительным) предложениями².

Четвертая глава рассматривает отношения между суждениями по логическому квадрату. Отношения «супостатности» (контрарности, противоположности) определяются как между А и Е, так и между I и O. Здесь теряется отношение подпротивоположности (между I и O), тем самым становится невозможным строго умозаключать, например, об истинности I от ложности O. Отношение контрадикторности, противоречия описывается термином «ломать» (противоречить).

В пятой, шестой и седьмой главах рассматриваются умозаключения. Пятая глава кратко учит обращению общеотрицательных суждений. Обращение подробнее освещается в «Логике Авиасафа», где замечено, что частноотрицательное пред-

¹ Фреге Г. Запись в понятиях // Логика и логическая семантика. М., 2000, с. 68-69.

² Симонов Р.А., Стяжкин Н.И. Историко-логический обзор древнерусских текстов «Книга, глаголемая логика» и «Логика Авиасафа». НДВШ ФН, 1977, № 5, с. 140.

ложение не является обратимым¹. Отметим, что современная логика придерживается того мнения, что обращение возможно, если принимать во внимание содержательные характеристики входящих в суждения понятий². Там же, в «Логике Авиасафа», приводятся примеры условно-категорических и разделительно-категорических силлогизмов. При этом усматривается эквивалентность $(\neg A \vee B) \leftrightarrow (A \rightarrow B)$. Тогда условно-категорический силлогизм *modus ponens*: $((A \rightarrow B) \& A) \rightarrow B$ эквивалентен условно-разделительному $((\neg A \vee B) \& A) \rightarrow B$. В шестой главе «Книги, глаголемой логика» речь идет о силлогизме (умозаключение передается термином «рavnание»). Разъясняется, что «рожение» (вывод) возможен только при наличии общих терминов в посылках. Наконец, в седьмой главе рассматриваются фигуры силлогизма. Два обычных нам правила посылок дополнены третьим: «Заключение не следует из комбинации меньшей отрицательной и большей частной».

Восьмая глава касается недоказуемых предложений, рассматривает те условия, при которых простые предложения могут быть признаны достоверными. В девятой главе, помимо аристотелевской доктрины четырех «приводов» (причин), речь идет о ближайшей и дальней причине. Дальняя причина – это любое звено причинно-следственной цепочки, обусловившее, в числе прочего, данное действие.

Десятая глава посвящена предикабиялиям и предикаментам (категориям). Здесь интересна та терминология, которую предлагает переводчик для известных греческих и латинских терминов. Вводятся следующие понятия: «всячество» (род), «суцество» (вид), различающий признак, «узор (собственный признак), «притча» (случайный, привходящий признак). Термины для аристотелевских категорий созданы сходным образом с латинскими: например, «гдечество» (*ubeitas*) – это субстантивированное местоимение.

В одиннадцатой главе рассматривается важная проблема противоположностей в бытии: четное и нечетное – это противоположности *tertium non datur*; а черное и белое имеют нечто среднее между собой. Эта глубокая интуиция используется сегодня при попытках построения «логик противоположностей» в противовес «логикам различий» (в том числе аристотелевской). Двенадцатая и тринадцатая главы посвящены семанти-

¹ Попов П.С., Симонов Р.А., Стяжкин Н.И. Логические знания на Руси в конце XV века. // Естественнонаучные представления Древней Руси, М., 1978, с. 192.

² Кобзарь В.И. Основы логических знаний. СПб., 1994, с. 47-48.

ческим проблемам: соответственно термину «первое» и синонимичным конструкциям. В четырнадцатой главе говорится о логической мудрости.

Итак, к концу XV в. на Руси оформляется широкая концептуально-терминологическая система, достаточная для охвата аристотелевской логики¹, в том числе и теории умозаключения.

В западных областях Руси, на которые оказывала колоссальное влияние польская, католическая культура, уровень образования как общего, так и логического, был значительно выше, чем на Руси Московской. Так, в 1588 г. в Львовской братской школе было введено «грамматическое, диалектическое и риторическое изучение», а в 1592 г. эта школа получила привилегию «*pro tractandis liberis artibus*»². Львовская школа, в свою очередь, была взята за образец при создании Киево-Могилянской коллегии.

Уровень логического образования в Киево-Могилянской коллегии, основанной в 1632–40 гг. (статус академии она получила в 1701 г. по указу Петра I), был достаточно высок. Курсы логики были авторскими и читались на латинском языке Иосифом Кононовичем-Горбацким (1639/40 уч. г.), Иннокентием Гизелем (1646/47 уч. г.), Стефаном Яворским (1693, 94 уч. г.). Несмотря на влияние средневековых логических учений Западной Европы, эти курсы не были точной копией аналогичных курсов иезуитских коллегиумов. В трактовке философских трудов Аристотеля представители Коллегии близки к аристотеликам эпохи Возрождения³, хотя Аристотель и перестает быть непререкаемым авторитетом (Иоасаф Кроковский: «Мы должны следовать Аристотелю, но не слепо»).

Значительной популярностью в Коллегии пользовались средневековые философы и логики Дунс Скот и Вильям Оккам. Это можно объяснить, например, тем, как решается профессорами Коллегии проблема универсалий, сформулированная еще Порфирием в первой главе его «Исагог» («Сказать тут же – я буду избегать говорить относительно родов и видов, – существуют ли они самостоятельно или же находятся только в мыс-

¹ *Симонов Р.А., Стяжкин Н.И.* Логика в средневековой Руси. // Исторические традиции философской культуры народов СССР и современность. Киев, 1984, с. 164.

² *Смирнов Н.А.*, ст. в кн.: Орел Российский. Творения Симеона Полоцкого. СПб, 1915, с. ii.

³ *Захара И.С.* Киево-Могилянская академия и польская культура конца XVII – начала XVIII в. // Исторические традиции философской культуры народов СССР и современность. Киев, 1984, с. 230.

лях, и если они существуют, то тела ли это или бестелесные вещи, и обладают ли они отдельным бытием, или же существуют в чувственных предметах и опираясь на них...»¹). Профессора Коллегии трактуют эту проблему в духе умеренного номинализма.

Отметим, что, как указывает Т. Котарбинский в своих «Лекциях по истории логики», любое номиналистическое решение проблемы универсалий порождало дополнительный вопрос о решении тринитарной проблемы: как может существовать Троица (а это тоже универсалия, общее понятие), если реально существуют только единичные вещи? Поэтому томизм стоял на умеренно-реалистической позиции (*universalia in re*), а отрицание этой установки, например, Абелиаром, было еретичным. Поэтому профессора Коллегии заняли промежуточную позицию.

Они считают, что общее существование двояко: в вещах и в человеческих понятиях. Последние являются знаками существующих вне разума вещей. Критика томизма со стороны профессоров состоит в том, что общее, существуя в вещах, является не идеальной сущностью или формой (что является отражением позиции крайнего реализма: *universalia ante rem*), а тем, что объединяет вещи и повторяется в подобных вещах. Если бы была занята более радикальная номиналистическая позиция, профессорам пришлось бы решать не менее затруднительную проблему – о возможности объективного познания вещей.

В курсах логики, читавшихся в Коллегии, можно заметить предпосылки идей математической логики. Так, например, рассматривается логика высказываний, теория логического следования, логика классов и модельная логика, решаются проблемы семиотики и логической семантики².

Оценка логики в трудах профессоров Коллегии чрезвычайно высока. И. Кононович-Горбацкий пишет: «Логика – наилучшая мать ищущих истину. С ее необъятных и плодородных нив мы впитываем и усваиваем рациональные знания. Ею питается наш скромный талант и только благодаря ее он может жить. Она... является наилучшей учительницей нашего ума»³.

¹ Порфирий. Введение к Категориям... // Аристотель. Категории. М., 1939, с. 53.

² Захара И.С. Киево-Могилянская академия и польская культура конца XVII – начала XVIII в. // Исторические традиции философской культуры народов СССР и современность. Киев, 1984, с. 231.

³ Цит. по: см. там же, с. 230.

Образовательная система Западной Руси в XVII в. находилась под влиянием научно-методологических и педагогических установок схоластической школы. Высшее образование стремилось соответствовать классическим семи свободным искусствам, которые должны были охватывать практически весь состав знания, за исключением вершины – знания философского. Интерес к семи свободным искусствам был довольно велик, и поэтому составлялись своеобразные комpendиумы, излагавшие вкратце цели и область применения этих наук. К середине XVII в. появилось «Сказание о семи свободных мудростях», где мудрости перечислялись в следующем порядке: грамматика, диалектика, риторика, музыка, арифметика, геометрия и астрономия, что отражало канон тривиума и квадривиума, окончательно оформленный еще Боэцием.

Сочинением научно-справочного характера, преследующим цель краткого изложения сведений о семи свободных искусствах, было и сочинение Николая Спафария (Милеску), составленное в 1672 г. совместно с подьячим Петром Долгово и называвшееся «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах». Диалектика там определяется так: «Диалектика (яже и логика нарицается) есть художество любопрения, чрез ню же или благоглаголем или хулим и чрез прение вся вещь»¹. Цель диалектики – отличать благо от зла и ложь от истины. Здесь важна практическая, прикладная роль диалектики: она может как-то обосновывать и этические, оценочные суждения, а не только руководить человеком на пути к отвлеченным истинам.

Далее Спафарий приводит причины, по которым подобает «учитися диалектице»². Во-первых, «ради древности, понеже во время патриархов Авраама и прочих и в новой благодати вси учении отцы наши употребляху». При таком подходе диалектика становится чем-то неисторичным, не развивающимся; но если истина и благо вечны и неизменны, то и пути к ним также не должны изменяться. Во-вторых, логике стоит учиться «ради достоинства», так как логика – это «орудие», органон, с помощью которого можно «благоразделить слово и довод учинити». В-третьих, логика нам нужна «ради истинства»; в-четвертых, «ради сладости», т. е. для благодати, спокойствия от обладания истиной и устойчивым взглядом на вещи; и, в-

¹ Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978, с. 33.

² Там же, с. 33-34.

пятых, – «ради ползы», так как диалектика есть «слияние божественного ума и царица человеческого разума».

Содержание диалектики Спафарий сводит, во-первых, к так называемым *quinque voces*, предикабиям (пяти терминам, «звучаниям») Порфирия, а во-вторых, к категориям Аристотеля. «Звучания» Порфирия названы «гласами», как их иногда обозначают и сегодня, и приводятся так: «род», «вид», «разство» (различающий признак), «свойство» (собственный признак) и «случай» (привходящий признак)¹. Аристотелевы категории называются «надглаголаниями»: это «существо» (сущность), «качество», «количество», «к чему» (отношение), «где», «когда», «творити» (действие), «страдати» (пре-терпевание), «имати» (обладание), «лежати» (положение). Ввиду краткости изложения никаких иных комментариев Спафарием не дается.

В ином сочинении, тоже компилятивного характера, в «Сказании о семи свободных мудростех», относимом А. И. Соболевским к рубежу XVI–XVII вв.², повествование ведут сами персонифицированные «мудрости», то есть свободные искусства: «грамматика», «диалектика», «риторика», «музыка», «арифметика», «геометрия», «астрономия». Достоинством диалектики, иначе – «словесницы», является то, что она основывается и обосновывает не возможное, а необходимое знание: «Несмы бо такова еже мнительством, но ест мудрая зрительством»³. Возможно, диалектика здесь противопоставляется топике, т. е. науке об «общих местах», науке правдоподобного рассуждения; ведь очевидно родство слова «зрительство» и латинского *demonstratio*, что означает также доказательство. Однако важно и то, что диалектика органично вписывается в тривиум: «Селение же имам и союз общего рачительства с премудрою грамматикою и красною риторикою». Действительно, диалектика используется и как критерий рациональности, последовательности, логичности: «аз на соборех людских... доброчинное строение». Есть и иные похвалы себе наук, отличные от тех, которые есть в «Сказании». Вот похвала себе диалектики:

¹ Используется терминология А.В. Кубицкого: Аристотель. Категории. М., 1939.

² Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903, с. 168.

³ Сказание о семи свободных мудростех // Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978, с. 143.

«Аз есмь диалектика, от Бога свободная мудрость мудроглаголательного и естествосудительного разумения, корень же и виновница и мати словесным хитростем и высокого и глубочайшего разума;

Много праведные дела показываются и неистинны объявляются,

И в соперных делех сопротивление разрешается;

Аз существо и естество с существом и естеством совокупаю»¹.

Аллегорическая форма изображения образовательного минимума и областей наук встречается уже у африканского неоплатоника V в. Марциана Капеллы в его трактате «О браке Филологии и Меркурия». В нем рассказывается о свадебном пиршестве во дворце Юпитера, где персонифицированные школьные науки выступают в роли служанок невесты Филологии². (Здесь следует отметить, что Спафарию известны такие античные авторы, как Платон, Порфирий, Цицерон и Марциан Капелла³, которые, хотя и в разной степени, интересовались логическими проблемами). Очевидно, что упрощенные изложения как Капеллы, так и Спафария отражали современные им состояния школьного дела. Однако если трактат Капеллы предназначался для обычных, неэлитарных школ, то работа Спафария, как предполагает исследователь его творчества О. А. Белоброва, служила пособием для обучения именитых детей (сам Спафарий в 1670-е гг. преподавал греческий и латинский языки). Цель этого яркого, но неглубокого сочинения, конечно, не просветить, а скорее заинтересовать, пробудить стремление к овладению всеми теми знаниями, пользу и удовольствие от которых так соблазнительно описывает автор. А обобщенное и аллегорическое изложение, прославляющее просвещение, было в известном смысле отражением нарождающейся светской, церемониальной эстетики⁴, тем более что обскурантизм при Алексее Михайловиче был уже не в почете.

Действительно, в конце XVII в. Москва стала «светочем славянства»: туда съезжались представители многих славянских народов. Видный представитель славянской культуры

¹ *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903, с. 171.

² *Уколова, В.И.* «Последний римлянин» Боэций. М., 1987, с. 48.

³ *Николай Спафарий.* «Книга о сивиллях...» // Эстетические трактаты. Л., 1978, с. 55.

⁴ *Белоброва О.А.* Личность и научно-просветительские труды Николая Спафария, с. 15 // *Николай Спафарий.* Эстетические трактаты. Л., 1978.

эпохи барокко хорват-энциклопедист Юрий Крижанич (1617–1683) оказал значительное воздействие на русскую мысль конца XVII в. Логика («беседное учение») является частью философии и подразделяется на грамматику («говорное» умение), риторику с поэтикой («беседное» и «песенное» умение), диалектику («преговоральное» умение)¹. Как видим, логика здесь, во-первых, не тождественна диалектике и, во-вторых, в широком смысле неотделима от риторики: Крижанич понимает логику так же, как понимал ее Цицерон.

Логические проблемы разрабатывались более серьезно в Славяно-греко-латинской академии, учрежденной в 1687 г. в Москве. Доктор Падуанского университета греческий монах Софроний Лихуд с марта 1690 по август 1691 г. читал курс логики, написанный по-гречески и озаглавленный «Яснейшее изложение всего логического действия». Своеобразным итогом формирования русского логического знания XVII в. является относящийся к 1704 г. курс логики Феофилакта Лопатинского, ректора Академии. Содержащиеся в курсе Лопатинского отдельные схоластические элементы позволяли плодотворно развивать логическую науку, обогащенную позднее за счет картезианских идей².

Русские логические руководства в целом шли вполне в ногу со временем³. Они также отражали содержание схоластических трактатов «об обязательствах», данные Порфирия и «Органон» Аристотеля, находились под влиянием Раймонда Луллия. К XVII в. можно отнести начало распространения некоторых идей алгебры логики.

¹ Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X-XVII веков. М., 1990, с.250.

² Воробьев В.В., Симонов Р.А., Стяжкин Н.И. Новое в философской литературе о логике в средневековой России. // НДВШ ФН, 1984, № 1, с. 149.

³ Симонов Р.А., Стяжкин Н.И. Логика в средневековой Руси. // Исторические традиции философской культуры народов СССР и современность. Киев, 1984, с. 166.